

УДК 78.071.1

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА НЕЗАБЫВАЕМЫХ МУЗЫКАНТОВ. ЮЛИЙ КОНЮС

А.Л. БАЛАЦКАЯ

Российская государственная специализированная академия искусств, 121165, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена памяти Ю.Э. Конюса, замечательного музыканта, представителя богатой талантами династии, щедро одарившей русскую культуру. В декабре 2022 года исполнится восемьдесят лет со дня смерти Юлия Эдуардовича. Прошло меньше века, но его имя, в основном, актуализируется кругом скрипачей-студентов, изучающих его Концерт для скрипки е-moll в рамках специальных классов. Существующая ныне полоса пренебрежения, грозит риском полного забвения этого яркого представителя русской культуры, что недопустимо. Восполнить несправедливый пробел в отечественном музыкознании являлось главной целью данной работы. В центре внимания исследования – архивные материалы, дневники и письма, позволившие осветить многогранную личность Ю. Конюса и восстановить ранее неизвестные факты его биографии. Творческое и дружеское общение с П.И. Чайковским, С.И. Танеевым, С.В. Рахманиновым, предстаёт в эпистолярном наследии, обнаруженном автором данной работы, и впервые вводимом в научный оборот.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Конюс, эпистолярная, династическая преемственность, Чайковский, Танеев, Рахманинов.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

FORGOTTEN NAMES OF UNFORGETTABLE MUSICIANS. YULIY CONUS

A.L. BALATSKAYA

Russian State Specialized Academy of Arts, Moscow, 121165, Russian Federation

ABSTRACT. The article is devoted to the memory of Jules E. Conus, a remarkable musician, a representative of a dynasty rich in talents that generously bestowed Russian culture. In December 2022 it will be eighty years since the death of Jules Eduardovich. Less than a century has passed, but his name is mostly actualized by the circle of student violinists who study his concerto for e-moll violin in special classes. The existing streak of neglect, threatens the risk of complete oblivion of this brilliant representative of Russian culture, which is unacceptable. To fill an unfair gap in Russian musicology was the main goal of this work. At the center of the study are archival materials, diaries and letters, which allowed to illuminate the multifaceted personality of J. Conus and restore previously unknown facts of his biography. Creative and friendly communication with P.I. Tchaikovsky, S.I. Taneyev, S.V. Rachmaninoff is presented in the epistolary material that we have discovered and for the first time introduced into the scientific field.

KEYWORDS: Conus, epistolary, dynastic succession, Tchaikovsky, Taneyev, Rachmaninov.

LICT OF INTERESTS. The author declares the absence of conflict of interests.

Благодарность: научному руководителю, Елене Борисовне Долинской, за содействие и консультирование в процессе написания работы.

Thanks to: to the scientific supervisor, Elena B. Dolinskaya, for assistance and advice in the process of writing the work.

*«Все эти Конюсы очень даровиты
и очень хорошие люди»
П.И. Чайковский*

Существование профессиональных династий – древнейший факт мировой истории. Однако бесспорно, что наличие нескольких даровитых представителей, а иногда даже поколений всегда будет оставаться загадкой. Это явление привлекало и привлекает внимание выдающихся деятелей различных областей науки. В.И. Вернадский назвал данный феномен «пульсацией талантливости»¹. В истории музыкального искусства известны семейные сообщества, щедро одарённые талантами сразу в нескольких поколениях. Таковы, например, роды Бахов, Моцартов, Штраусов, Метнер-Гедике и другие. Представителем именно семейной династии явился Юлий Эдуардович Конюс (рисунок 1). Его личность и творчество ещё не становились объектом специального исследования. Это обуславливает актуальность и новизну выбранной темы. Чтобы собрать по крупицам биографию талантливого музыканта был привлечён широкий круг документальных источников, некоторые из которых впервые вводятся в научный обиход.

Ю. Конюс родился в Москве, 18 января (1 февраля) 1869 года в семье Эдуарда Константиновича Конюса, пианиста, педагога и композитора. Его отец, К.Л. Конюс перебрался в Российскую Империю после окончания наполеоновских войн. О матери Ю. Конюса известно, что её звали Клотильда Аделаида Жозефина-Тереза Тамброни. Отец – знаменитый в те времена преподаватель пения Адольф Иосифович (Осипович) Тамброни, а мать принадлежала к семье Вендрамини, представители которой прославились в России гравировальным искусством.

Подобное слияние нескольких династий, преданных искусству, не могло не отразиться на выборе рода деятельности детей Эдуарда Константиновича, учитывая, что сам он много лет преподавал игру на фортепиано в Московском училище Ордена Святой Екатерины. В возрасте десяти лет Ю. Конюс поступил в Московскую консерваторию на младшее отделение

Рисунок 1. Ю.Э. Конюс

¹ Термин был озвучен В.И. Вернадским в лекции по истории науки в 1926 году.

к профессору А.А. Гильфу². Во время вступительных экзаменов юный скрипач был особенно отмечен Н.Г. Рубинштейном (1835–1881), сказавшим отцу Юлия: «Да он у тебя царёк среди них» [4, с. 273].

Спустя несколько лет юный скрипач перешёл в класс профессора И.В. Гржимали (1844–1915). В годы учёбы он активно выступал в концертах как солист и в составе квартетов. В 1888 году юноша окончил Консерваторию с малой золотой медалью и его имя было занесено на мраморную доску Малого зала. Ю. Конюсу повезло: он стал воспитанником Московской консерватории в то время, когда там преподавали П.И. Чайковский и С.И. Танеев, чьё дружеское расположение он смог завоевать, благодаря своему таланту и чисто человеческим качествам. «Все эти Конюсы очень даровиты и очень хорошие люди» – писал о представителях династии Пётр Ильич, но более других выделял Юлия или «Жулика», как он дружески именовал его в переписке [17, с. 164].

Собирая пёструю мозаику творческого пути Юлия Конюса, следует отметить очень тесное соприкосновение «профессионального» и «личного» в жизни музыканта. С самого детства его окружали талантливые творческие личности. Все семейство Конюсов постоянно было вовлечено в музыкальную жизнь России, достигшую тогда большого расцвета. После окончания Консерватории, Юлия Конюса связали творческие и дружеские отношения с Танеевым. Из его дневниковых записей становится известно, что в 1895 году Ю.Э. Конюс гостил в Ясной Поляне у Льва Николаевича Толстого, где, по установившейся традиции, устраивались импровизированные музыкальные вечера. Кроме того, Лев Николаевич сыграл с ним несколько шахматных партий, за которыми велись разговоры о музыке. Юлий Эдуардович не раз принимал участие в концертах, которые чета Толстых устраивала в Москве. Об одном из таких вечеров свидетельствует письмо С.А. Толстой (1844–1919) к Л.А. Толстому от 24 февраля 1895 года: «Сейчас была А.С. Губкина <...> Она мне говорила, что Конюсы играли, и ты так умилялся, трогался и восхищался, что она никак не ожидала видеть тебя в таком волнении от музыки» [12, с. 281].

В эти же годы завязывается тесная дружба Ю. Конюса с Рахманиновым, Метнером, Шаляпиным, которую они пронесут через всю жизнь, несмотря на известные исторические события и непростые жизненные коллизии. Талантливые музыканты принимали активное участие в совместных концертах, устраиваемых знаменитыми меценатами того времени, например: А.П. Ливен (1861–1929), С.И. Мамонтовым (1841–1918), а также В.И. Фирсановой (1862–1934). На её дочери, Зое Владимировне Ворониной, Юлий Конюс женился в 1898 году. В этом браке родилось трое детей: Вера (умерла в возрасте четырёх лет), Сергей и Борис. Сергей Юльевич – единственный из всех детей Юлия Конюса оставил значительный след в истории музыкального искусства, Борис Юльевич стал математиком³.

В 1909 году Юлий Эдуардович гостил в имении «Спасское» (ныне – г. Воскресенск Московской области) у княгини А.П. Ливен, где познакомился с её дочерью Марией. Несмотря на солидную разницу в возрасте (20 лет), они вместе сбежали, нарушив все правила приличия того времени. Известно, что Юлию Эдуардовичу и Марии Александровне пришлось ждать два года, прежде чем З.В. Воронина дала развод Юлию Эдуардовичу, и они смогли официально зарегистрировать свои отношения.

Выскажем предположение, что эта скандальная ситуация вынудила Юлию Конюса оставить службу в Большом театре. Возможно, именно о ней Георгий Конюс писал своему другу Леониду Собинову: «Последние две недели меня сильно волнуют дела брата Юлия. Приходилось часто ездить в Москву, помогать ему советами. Обстоятельства в высокой степени не банальные. О них (Бог даст, все обойдётся в конце концов благополучно) поговорим, когда вернёшься к нам» [9, с. 116]. Тем не менее, княгиня А.П. Ливен со временем «сменила гнев на милость» и даже выстроила новой семье Ю.Э. Конюса собственную усадьбу «Дубки» недалеко от Спасского. В этом браке родились две дочери, Александра и Татьяна.

В 1917 году в России разразились революционные события, привычный уклад жизни нарушился,

2 Арно Адамович Гильф (1858–1909), немецкий скрипач и педагог, преподавал в Московской консерватории.

3 Борис Юльевич Конюс (1904–1988), профессор математики, член ассоциации Тургеневской библиотеки в Париже.

началась гражданская война, Российская Империя прекратила своё существование. Всё это заставило Юлия Эдуардовича переселиться вместе с семьёй в Париже. Переезд Ю. Конюса во Францию нельзя назвать эмиграцией, ведь почти все представители династии были французскими подданными. Тем не менее, его фактическое положение ничем не отличалось от положения русских эмигрантов, ведь для французов Юлий Конюс был русским скрипачом и композитором. Как известно, в этот период во Францию выехали с семьями также Л.Э. Конюс, С.В. Рахманинов, Ф.И. Шаляпин, Н.К. Метнер, С.С. Прокофьев (чья мать, как и мать Рахманинова, осталась в России).

Во Франции Юлий Эдуардович продолжил трудиться на музыкальном поприще. К моменту переезда Конюсу сравнялось пятьдесят лет, и, по некоторым свидетельствам, он не мог вести исполнительскую деятельность из-за проблем со здоровьем. Однако, вместе с братом Львом, он начал преподавать в парижской Русской консерватории, сочинял музыку на заказ, устроился редактором в Российское музыкальное издательство С.А. Кусевицкого.

30-годы прошлого столетия в биографии Юлия Эдуардовича ознаменованы изобретением и внедрением им в нотопечатное производство гравировальной машины «Люкс». Сведения об этой машине достаточно скудны, хотя известно, что она сэкономила до 60 % времени в процессе нотопечатания. На машине, изобретённой Конюсом, печатали продукцию такие издательства, как: “Francis, Day”, “Salabert”, “Max Eschig”, издательства Беляева, Циммермана, Кусевицкого. Возможно, изобретение Юлия Конюса получило бы более широкое распространение, но близилась Вторая мировая война, многие издательства массово закрывались. В письме от 1 августа 1927 года к Рахманинову, страстному автомобилисту, Конюс-инженер детально описал другое своё специальное устройство-изобретение, которое помогло бы избавить окружающих от пыли, производимой нелюбимыми им автомобилями. «Портили немного приятность пребывания, тишины и уединение обладатели автомобилей... кроме тебя, черт бы их всех подрал... правда, от них скромным людям житья не будет... всюду снуют, пылят, гудят. Против гудения уже ничего не выду-

маешь, но от пыления мне пришла в голову мысль: можно было бы перед каждым колесом приделать маленькую помпу, таким образом, механически от вращения колёс будет увлажняться место его вращения. Эти же помпы в дождливую погоду вместо воды могли бы выпустить струю песка, чтобы не скользили бы колеса по мокрому асфальту... но эти идеи требуют разработки» [8, с. 480].

С Рахманиновым Ю. Конюса связывали не только дружеские, творческие, но и родственные отношения. Юлий Эдуардович и четверо его детей всегда были желанными гостями в доме Сергея и Натальи Рахманиновых. В 1932 году Татьяна Рахманинова и Борис Конюс поженились, в 1933 году в этом браке родился сын, названный Александром, ставший общим внуком Конюса и Рахманинова.

Жизнь во Франции для Юлия Эдуардовича, как и для многих других эмигрантов, была совсем не простой, несмотря на наличие французского подданства, творческой востребованности и инженерно-конструкторские успехи. Его вторая жена, Мария Ливен, ушла от него, оставив ему на попечение двух дочерей. Ю.Э. Конюс никогда не жаловался на жизнь, однако многие письма свидетельствуют о затруднительном, а порой и очень сложном материальном положении.

В 1939 году, видимо, устав от своих «парижских» забот, Юлий Конюс гостил у своей племянницы Ольги Александровны Хрептович-Бутенева (1890–1987) в имении Щорсы под Гродно (Польская Республика, ныне – Республика Беларусь). Там его застало известие о начале Второй мировой войны, а в скором времени Красная армия вошла на территорию Польши. Так, собственно, Юлий Эдуардович и оказался на родине, а точнее, «запертым» в Щорсах, подвергшихся национализации, пытаюсь хоть как-то поддержать семейство Хрептовичей, вывезенных в город Новогрудок. Спустя много лет, пройдя все ужасы ГУЛАГа, О.А. Хрептович-Бутенева опишет те дни в книге «Перелом».

О своём бедственном положении Юлий Эдуардович тут же сообщил племяннице в Москву. Благодаря усилиям Н.Г. Конюс в 1940 году он оказался в Москве. А.Б. Гольденвейзер так описал эту встречу 1 апреля 1940 в своём дневнике: «Совсем старый, но все тот же. Сильно глуховат. Наивно надеется здесь издавать и слышать в оркестре свои

сочинения, заниматься педагогической деятельностью. Уверен, что я все смогу для него сделать. А между тем его ждёт горькое разочарование... Видеть его мне было очень приятно. Он рассказал немного о Рахманинове, Метнере, брате, о своих детях. Пахнуло давно ушедшей жизнью, молодостью» [6, с. 522].

Преклонный возраст и известные обстоятельства, касаемые жизни эмигрантов-возвращенцев того времени, не помешали Юлию Эдуардовичу наладить достаточно интенсивную творческую деятельность в Москве. Так, он восстановил связи с друзьями по консерватории, начал преподавать скрипку в Центральном заочном музыкально-педагогическом институте, активно продолжал композиторскую деятельность.

Удивительно, что Юлию Конюсу позволили вернуться в Москву, но ещё более удивительно, что разрешили работать в учебном заведении – до конца своих дней он оставался французским гражданином, а ведь его могли запросто интернировать во Францию, с которой 30 июня 1941 года были прерваны дипломатические отношения. Возможно, сам Ю.Э. Конюс, далёкий от политики, не до конца оценивал все риски, связанные с возвращением на родину, а может просто верил, что искусство стоит значительно выше политических споров и государственных границ. В 1942 году Юлий Конюс отправился в Меленки навестить сестру Ольгу Эдуардовну, где и умер 3 декабря того же года. К сожалению, точное местоположение его захоронения на сегодняшний день определить не удалось.

Реконструируя факты биографии Юлия Эдуардовича, перед нами встаёт закономерный вопрос. Каково было становление и развитие его творческого пути? Вчерашнему выпускнику Московской консерватории, тогда ещё совсем юному музыканту П.И. Чайковский оказывал всяческую протекцию. Так, в 1889 году по его рекомендации Ю. Конюс отправился на стажировку в Париж, во время которой совершенствовал своё исполнительское искусство у Л. Массара, одного из лучших скрипичных педагогов в Европе. Затем он концертировал во Франции, работал в оркестре «Гранд Опера», в оркестре Колонна. Именно Пётр Ильич порекомендовал своего протеже в оркестр Нью-Йоркской филармонии, где к тому моменту уже несколько лет служил

А.Д. Бродский, первый исполнитель концерта для скрипки с оркестром и друг великого Мастера.

Отношения Учителя и ученика, запечатлены в переписке, продолжавшейся с 1891 по 1893 годы. С этими бесценными страницами Юлий Эдуардович никогда не расставался, трепетно оберегая память о Чайковском. Сама переписка интересна не просто как история задушевного общения, но и как ценнейшие документы, вобравшие в себя вехи не всегда безоблачного творческого пути Ю. Конюса. Например, в письме от 9 июня 1891 года он, с присущим ему чувством юмора, рассказывает Петру Ильичу о своих злоключениях: «Вообразите, вот уже скоро неделю сижу в Берлине и за неимением денег не могу двинуться. Папаша мою депешу, верно, не получил (я адресовал в Екатерининский Институт, а он должно быть на даче), а я тем временем, чтобы не умереть с голоду принужден тут, целый день молоко пить с пеклеванным хлебом. Не смотря на эту монотонную кухню я чувствую себя очень бодрым и весёлым. Слыша, как я один в своей комнате хохочу, соседи верно думают, что я сумасшедший. И ведь правда смешно; аппетит после морского путешествия страшный, а приходится, как провинившийся мальчишка, без обеда оставаться. Эти последние два дня и не одевался, чтобы не гулять по *Fridrich`s Strasse*, а то такое чувство, как у Капитана Копейкина на Невском проспекте» [5, с. 1–46].

Ненавязчиво контролировал Пётр Ильич своего подопечного и во время его «американского» предприятия. Узнав, что соседом по пульту в оркестре у юного Конюса будет его давний друг А.Д. Бродский, он тут же отправил ему следующую депешу: «Голубчик, рекомендую тебе твоего соседа по пульту, Конюса. Это не только талантливый и неглупый юноша, – но и превосходный во всех отношениях молодой человек, принадлежащий к необыкновенно даровитой и чудесной семье. Я его очень полюбил в последнее время, ибо в Париже близко с ним сошёлся и ужасно был рад за него, когда узнал о твоём приезде в Америку. Для него величайшее счастье, что он на чужбине найдёт таких хороших людей – соотечественников, как ты и Анна Львовна. Прошу Вас обоих обласкать милого юношу, достойного вполне вашего сочувствия» [15, с. 240–241].

Письма Чайковского также являются свиде-

тельством творческих исполнительских исканий и сомнений Юлия Конюса. Пётр Ильич пишет: «Как мне понравилось, что, восхваляя игру Бродского, Вы сознаетесь в зависти. Такого рода зависть есть не что иное, как стремление к совершенству: это залог того, что Вы не остановитесь на точке замирания» [15, с. 283–284], или: «Мне грустно, что письма Ваши проникнуты духом печали и уныния. Отчего это? Я думаю не от того ли, что Вы ещё не сыграли публично и не получили должной Вам доли восторга... Вообще мне хочется посоветовать Вам быть в себе очень уверенным, не поддаваться чувству недоверия к себе, быть тем, чем Вы были лет 6 тому назад в этом отношении ... Знайте, что у Вас огромный талант и что Вы должны перещеголять всех живущих скрипачей» [16, с. 18–19].

Известно, что 1893 году П. И. Чайковский во время инструментовки своей Шестой симфонии обращался к Юлию Конюсу за советами, касательно облегчения партии скрипок в сторону удобной для игры, а также обозначения штрихов для всей этой группы. В дальнейшем, с подобными просьбами к Конюсу обращались С. И. Танеев и С. В. Рахманинов, Н. К. Метнер и С. С. Прокофьев.

Исполнительское дарование Ю. Конюса получило оценку в свидетельствах современников. Сохранились несколько уникальных аудиозаписей, сделанных на фонографе Т. Эдисона в октябре 1892 года. Среди них: Menuetto 1 из Партиты E-dur И. С. Баха и «Цыганские напевы» П. Сарасате (фрагмент). Записи, осуществленные на фонографе, не отличаются качеством, привычным уху современного слушателя. Можно, однако, составить представление о технических возможностях и исполнительской манере, присущих талантливому музыканту. Menuetto 1 из Партиты E-dur входит в классический репертуар любого скрипача, «Цыганские напевы» достаточно новы для тех времён (опубликованы в 1878 году) и свидетельствуют о серьёзном техническом уровне музыканта. Знаменитая пьеса Сарасате спустя более ста лет остаётся виртуозной жемчужиной скрипичного репертуара.

Косвенно о степени исполнительского мастерства Юлия Конюса можно узнать и из дневников С. И. Танеева: «...вечером мы сыграли с Конюсом Крейцерову сонату, и он сам E-dur'ную сонату Баха» (здесь наверное речь всё же идёт о Партите

для скрипки соло E-dur – прим. авт.) [10, с. 208], «...вечером играл Конюс со мной концерт Баха, арию Баха, сонату Моцарта и мелкие пьесы» [там же, с. 117], «...играли с Конюсом его пьесу, Глазунова арабскую мелодию и Вагнера романс» [11, с. 222]. Бесспорно, данные выдержки не содержат в себе прямой оценки, но свидетельствуют о репертуарном разнообразии скрипача, его начинаниях на композиторском поприще.

Хвалебный отзыв об игре Ю. Конюса сохранился в одном из писем А. Д. Бродского к П. И. Чайковскому от ноября 1891 года: «Могу написать про Конюса, что слышал Четвёртый концерт Вьетана, который он роскошно играл. Слушая его, жалеешь, что он попал к Дамрошу, который его за маленькую плату очень эксплуатирует. Где ему заниматься, а между тем, он мог бы достигнуть в своём искусстве высокую точку при своём таланте» [1, с. 137].

Скажем и о деятельности Ю. Конюса в составе камерных ансамблей. Она ознаменована двумя яркими событиями, символически связанными друг с другом. В концерте 29 сентября 1891 года Конюс с А. Брандуковым и С. Танеевым исполнили трио «Памяти великого Артиста» Чайковского в присутствии самого автора. Другим событием для Конюса-ансамблиста стало премьерное исполнение «Элегического трио» С. Рахманинова 31 января 1894 года с композитором и А. Брандуковым. В эпитафии П. И. Чайковскому Рахманинов поручил партию скрипки Юлию Эдуардовичу.

В биографических сведениях упоминается его роль концертмейстера оркестра Большого театра. Однако это не совсем верно. Архивные материалы позволили уточнить: с 1906 по 1909 год он действительно состоял на службе в Большом театре, но занимал место помощника концертмейстера альтовой (!) группы. На сегодняшний день причин неожиданной смены инструмента обнаружить не удалось. Тем не менее, сам факт стал ещё одним доказательством исполнительской одарённости скрипача.

После окончания службы в Большом театре Юлий Эдуардович создал струнный квартет, о котором А. Б. Гольденвейзер писал: «Пятый As dur'ный квартет С. И. Танеева обнаружил, что самые лучшие надежды, возлагаемые на симпатичные надежды гг. Конюса, Авьерино, Белоусовых, начи-

нают сбываться. Разумеется, исполнение их ещё весьма далеко от совершенства, но, сравнительно с первым вечером, замечается такой шаг вперёд, который позволяет ждать от талантливых артистов в будущем много хорошего» [3, с. 71].

Как и большинство современников Ю. Конюса сочетал исполнительскую деятельность с преподаванием. После возвращения из США в 1892 году, по протекции Чайковского тогда ещё совсем юный музыкант получил место преподавателя скрипки в Московской консерватории. В разные годы в его классе обучались А. Чухалдин, А. Метнер, Б. Израилевский, ставшие в последствии видными деятелями искусства. Б.Л. Израилевский в своей книге «Музыка в спектаклях Московского художественного театра» так вспоминал своего учителя в Консерватории: «По классу скрипки – на четвертый курс к преподавателю Ю.Э. Конюсу. Конюс был великолепным скрипачом, педагогом и композитором. Его скрипичный концерт ученики старших курсов изучали с наслаждением, и я мечтал играть этот концерт, когда буду на шестом курсе. У него я занимался только один год, потом он заболел туберкулёзом и уехал в Крым» [13, с. 345].

В 1901 году Юлий Эдуардович оставил службу в Московской консерватории, но не педагогическую деятельность. Он преподавал в музыкально-драматическом училище Московского Филармонического Общества. В эти годы в классе К. Мостраса занимался И.А. Галамян. В России его имя мало известно. Однако, именно Иван Александрович воспитал целую плеяду скрипачей мирового уровня, среди них: И. Перельман, П. Цукерман, Д. Ситковецкий, М. Рабин и другие. Возникает справедливый вопрос об отношении Ю. Конюса к творческому становлению своего современника. В письме от 29 августа 1981 года некая Эдит Фрейслебен⁴ писала музыковеду З. Апетян: «Известно ли Вам, что знаменитый педагог Иван Галамян 14 апреля умер в Нью-Йорке? Я его лично знала. Он мне много говорил о Рахманинове и о своём педагоге Ю. Конюсе» [7, с. 63]. Выскажем гипотезу; Юлий Эдуар-

дович мог заниматься с И. Галамянном в частном порядке. Также известно, что их пути пересеклись в Париже, в Русской консерватории, к открытию которой они причастны наряду с другими видными творческими представителями эмиграции.

Результатом педагогической работы Ю.Э. Конюса явилось издание им учебника, адресованного начинающим скрипачам – «Упражнения и маленькие этюды в двойных нотах для скрипки» (1942). Пособие, состоящее из упражнений и этюдов, и поныне пользуется популярностью в педагогической практике обучения скрипачей на начальном этапе. Особый интерес в издании вызывают методические основы освоения техники игры двойными нотами.

Талантливый исполнитель и педагог, Юлий Эдуардович обрёл широкую известность благодаря своему Концерту для скрипки с оркестром. Истории известна масса примеров, когда выдающиеся скрипачи занимались сочинением. Подобная практика возникла вместе с зарождением скрипичного исполнительства и была нацелена на демонстрацию всех возможностей инструмента. Параллельно решалась и задача пополнения репертуара.

Интересна история создания этого концерта, посвящённого И.В. Гржимали. Его премьера состоялась в 1896 году. С. Танеев записал 14 января 1895 года: «Подготовка к юбилею Гржимали. Ю. Конюс сыграл концерт (e-moll, свой). Красивое произведение, но должно быть немного исправлено» [10, с. 57]. Становится ясным: концерт был готов уже к самому началу 1895 года, к пятидесятилетию И.В. Гржимали.

Каковы же предпосылки, сподвигнувшие Юлиа Конюса, к написанию столь масштабного произведения? Ответ находим в его переписке с Чайковским. В самом начале 1893 года он сообщает Петру Ильичу о своей работе над концертами М. Бруха, Ф. Мендельсона и А. Вьетана. Доподлинно неизвестно, какой именно из семи скрипичных концертов великого бельгийца он разучивал, находясь на пике исполнительского мастерства. Выскажем догадку, что это был Концерт № 5 (a-moll, "Le Gretri"). Написанный в одностанной форме, концерт Вьетана сходен по строению с произведением Ю. Конюса, появившимся через 25 лет. При детальном анализе речитативной фразы, открывающей скрипичное solo в его концерте,

⁴ На сегодняшний день нам не удалось обнаружить о ней каких-либо сведений. Известно, что Э. Фрейслебен являлась собеседником З.А. Апетян по переписке, в процессе реконструкции фактов биографии С.В. Рахманинова последней.

Пример 1. Ю. Конюс. Концерт для скрипки с оркестром.
Вступление

Пример 2. А. Вьетан. Концерт для скрипки с оркестром № 5.
Вступление

можно увидеть определённое сходство с мотивом, с которого начинается аналогичное произведение А. Вьетана (примеры 1 и 2)⁵.

Естественно, Концерт для скрипки Чайковского тоже не мог не оказать влияния на композиторские идеи молодого скрипача. Так, Юлий Эдуардович делится с Чайковским творческими планами: «Буду непременно работать над Вашим концертом. Я прежде не раскусил его; как услышал Бродского, убедился, что это вещь великолепная, только требует больше, чем либо другое, – художника с серьёзной техникой. В таком исполнении он и эффектный, и характерен, и в высшей степени поэтичен. Я глубоко убеждён, что он будет очень популярен» [5, с. 1–46].

Судьбу музыкального произведения определяет его жизнь на эстраде. Как же шло утверждение скрипичного концерта, ставшего визитной карточкой стиля скрипача-композитора? Накануне премьерного исполнения С. Танеев делает запись:

«Был на репетиции. Слышал концерт Ю. Конюса. Очень удачен, всем нравится» [10, с. 137]. Позже, в 1897 году ректор В.И. Сафонов просил Ц.А. Кюи, а потом и А.Н. Виноградского о возможности исполнения Конюсом его собственного сочинения в Санкт-Петербурге, Киеве и Одессе, соответственно. В разное время его включали в свой репертуар выдающиеся скрипачи мира; например: Я. Хейфец, Б. Гольдштейн, М. Эльман, Д. Гаррет, Э. Грач, С. Стадлер и другие. Написанный в 1895 году концерт Юлия Конюса был особенно популярен в начале XX века, в России, позже, уже в СССР часто исполнялся на эстраде примерно до 30-х годов.

Будучи прекрасным скрипачом, Юлий Эдуардович писал не только для «своего» инструмента, как многие его современники. Коллекция рукописей в архивных и музейных фондах демонстрирует разнотипность композиторского дарования Ю.Э. Конюса. Менее чем за десять лет он создал множество произведений, начиная с песен для детского хора и заканчивая балетом «Икар».

⁵ В центре внимания – первые два такта, содержащие в себе описываемый мотив.

Из хоровых произведений значительный интерес представляет песня «Идет война народная» для хора и духового оркестра. В 1941 году Юлий Конюс прочёл стихи «Священная война» В.И. Лебедева-Кумача и написал песню. Это событие отражено в дневнике А.Б. Гольденвейзера: «Пришел старик Юлий Конюс. Бодрый. Сочинил прекрасную боевую песню для хора с духовым оркестром» [6, с. 522]. А вот что об этом событии вспоминает Кена Видре: «Юлий Эдуардович именно в те дни писал музыку для хора с оркестром на случайно прочитанное поразившее его стихотворение “Пусть ярость благородная вскипает, как волна, идет война народная”, то есть на те же слова, что и “Священная война” Александрова. Так он искренне и точно мгновенно отозвался на то, что произошло» [2].

Несколькими годами ранее, ещё во время пребывания во Франции, Юлий Конюс написал множество духовных сочинений. Среди них: Месса св. Девы (1938–1939), Месса св. Пятницы (1939), Те Деум, делал обработки григорианских хоралов для монастыря св. Перминии. Жюль (Юлий – русская транскрипция имени «Жюль») Конюс был крещён в католичество, но не отличался особенной религиозностью. Написание духовных сочинений оказалось, как бы вынужденным и преследовавшим финансовую цель. Такой подход не приносил творческого удовлетворения, о чем он неоднократно писал Метнеру и Рахманинову. В 1932–1933 годах Конюс работал над балетом «Икар» на либретто собственного сочинения. Музыкальную основу составили этюды из сборника Э.К. Конюса «Проблемы ритма в 60 прелюдах». Балет не был поставлен. Однако, племянница композитора, балерина Н.Г. Ко-

нюс с большим успехом выступала на балетном конкурсе с некоторыми номерами из «Икара».

В заключение отметим, что значение личности Юлия Эдуардовича Конюса в истории мирового музыкального исполнительства и педагогики сильно недооценено. Очень яркое, деятельное начало карьеры, её расцвет, достаточно насыщенный закат творческой жизни, а после – практически полное забвение. Естественно, когда в 1939 году Юлий Конюс оказался на территории СССР, здесь с момента его эмиграции сменилось уже несколько поколений, изменились и сама страна, и общий культурный вектор, продиктованный политическими реалиями той эпохи. Юлий Эдуардович был, безусловно, талантливым человеком, а потому смог «вписаться» в новую творческую элиту, однако, у него оставалось слишком мало времени до конца жизни, чтобы снова доказывать свою верность теперь уже советскому музыкальному искусству.

«Двойственное» русско-французское происхождение Юлия Конюса при жизни его очень выручало, позволяя «по обе стороны» находиться на законных основаниях, однако, после смерти сложилась ситуация, достаточно характерная для того времени: на Западе Ю.Э. Конюс – русский скрипач, композитор и педагог, в России – скрипач, композитор и педагог французского происхождения, то есть не до конца «русский». Данное обстоятельство негативным образом сказывалось на популяризации его композиторского наследия и педагогических наработок, соответственно, не способствуя накоплению, систематизации источников информации о его личности.

ЛИТЕРАТУРА

- 1/ Бродская (Скадовская) А.Л. Воспоминания о русском доме: Адольф Бродский, Петр Чайковский, Эдвард Григ в мемуарах, дневниках, письмах. Коктебель, 2006. 261 с.
- 2/ Видре К.И. Юлий Эдуардович Конюс, каким я его помню // Нева. 2005. № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2005/12/yulij-eduardovich-konyus-kakim-ya-ego-pomnyu.html> (дата обращения 01.05.2022).
- 3/ Гольденвейзер А.Б. О музыкальном искусстве: сборник статей. М.: Музыка, 1975. 415 с.
- 4/ Конюс Ю.Э. Воспоминания о моих встречах с Петром Ильичом и о пребывании моем в Клину // П.И. Чайковский. Альманах. Вып. 2. М., 2003. С. 363–373.
- 5/ Конюс Ю.Э. Письма к П.И. Чайковскому: автограф // ГДМЧ Ф. 1. оп. 3. Ед. хр. 453. Л. 1–46.
- 6/ Николаева А., Скрябин А. Наш Старик: Александр Гольденвейзер и Московская консерватория. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2015. 704 с.
- 7/ Новое о Рахманинове. Сборник статей. М.: Дека-ВС, 2006. 200 с.
- 8/ Рахманинов С.В.: Литературное наследие в 3 т. Т. 2 / ред.-сост. З.А. Апетян. М.: Советский композитор, 1980. 583 с.
- 9/ Собинов Л.В. в 2 т. Т. 2. Письма к Л.В. Собинову. М.: Искусство, 1970. 551 с.
- 10/ Танеев С.И. Дневники, 1894–1909: в 3 кн. Кн. 1. М.: Музыка, 1981. 336 с.
- 11/ Танеев С.И. Дневники, 1894–1909: в 3 кн. Кн. 3. М.: Музыка, 1981. 560 с.
- 12/ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений; в 100 т. Т. 84. Государственное издательство художественной литературы, Москва – Ленинград, 1949. 505 с.

- 13/ «Трудись и надейся...» Василий Сафонов: новые материалы и исследования / ред.-сост. Тумаринсон Л.Л. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 704 с.
- 14/ Чайковский П.И. Полное собрание сочинений: Литературные произведения и переписка: в 17 т. Т. 15-Б. М.: Музыка, 1978. 384 с.
- 15/ Чайковский П.И. Полное собрание сочинений: Литературные произведения и переписка: в 17 т. Т. 16-А. М.: Музыка, 1978. 376 с.
- 16/ Чайковский П.И. Полное собрание сочинений: Литературные произведения и переписка: в 17 т. Т. 16-Б. М.: Музыка, 1979. 279 с.
- 17/ Чайковский П.И. Полное собрание сочинений: Литературные произведения и переписка: в 17 т. Т. 17. М.: Музыка, 1981. 358 с.

REFERENCES

- 1/ Brodskaya (Skadovskaya), A.L. (2006), *Vospominaniya o russkom dome: Adolf Brodskij, Petr Chajkovskij, Edvard Grig v memuarax, dnevnikaх, pis`max* [Memories of the Russian house: Adolf Brodsky, Pyotr Tchaikovsky, Edvard Grieg in memoirs, diaries, letters], Koktebel, 261 p. (in Russ.)
- 2/ Vidre, K.I. (2005), *Jules Eduardovich Conus, kakim ya ego pomnyu* [Jules E. Conus, as I remember him], no. 12, *Neva*, URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2005/12/yulij-eduardovich-konyus-kakimya-ego-pomnyu.html> (Accessed 01 May 2022). (in Russ.)
- 3/ Gol'denvejzer, A.B. (1975), *O muzykal'nom iskusstve: sbornik statej* [About musical art: collection of articles], *Muzyka*, Moscow, 415 p. (in Russ.)
- 4/ Conus, J.Je. (2003), "Memories of my meetings with Pyotr Ilyich and of my stay in Klin", *P.I. Chajkovskij*.

Al'manah [P.I. Tchaikovsky. Almanac], Part 2, Muzyka, Moscow, pp. 363–373. (in Russ.)

5/ Conus, J.Je. Pis'ma k P.I. Chajkovskomu: avtograf [Letters to P.I. Tchaikovsky: autograph], GDMCh F. 1, op. 3, Ed. xr. 453, pp. 1–46 (in Russ.)

6/ Nikolaeva, A., Skryabin, A. (2015), Nash Starik: Aleksandr Gol'denvejzer i Moskovskaya konservatoriya [Our Old Man: Alexander Goldenweiser and the Moscow Conservatory], Centr gumanitarnyx iniciativ; Universitetskaya kniga, Moscow, Saint-Petersburg, 704 p. (in Russ.)

7/ Novoe o Raxmaninove. Sbornik statej (2006) [New about Rachmaninoff. Collection of articles], Deko-VS, Moscow, 200 p. (in Russ.)

8/ Rachmaninov, S.V. Literaturnoe nasledie v 3 t. T.2 (1980) [Literary heritage in 3 vol.]/ red.-sost. Z.A. Apetyan, Sovetskij kompozitor, Moscow, 583 p. (in Russ.)

9/ Sobinov L.V. v 2 t. T. 2. Pis'ma k L.V. Sobinovu (1970) [Sobinov L.V. in 2 vols. part 2. Letters to L.V. Sobinov], Iskusstvo, Moscow, 551 p. (in Russ.)

10/ Taneev, S.I. (1981), Dnevnik, 1894–1909 [Diaries, 1894–1909]: v 3 kn. Kn. 1, Muzyka, Moscow, 336 p. (in Russ.)

11/ Taneev, S.I. (1981), Dnevnik, 1894–1909 [Diaries, 1894–1909]: v 3 kn. Kn. 3, Muzyka, Moscow, 560 p. (in Russ.)

12/ Tolstoj, L.N. (1949), Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]; v 100 t. T. 84. Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, Moscow, Leningrad, 505 p. (in Russ.)

13/ Tumarinson, L.L. (ed) (2017), "Trudis' i nadejsja..." Vasilij Safonov: novye materialy i issledovaniya ["Work and hope..." Vasily Safonov: new materials and research], Center for Humanitarian Initiatives, Moscow, Saint-Petersburg, 704 p. (in Russ.)

14/ Chajkovskij, P.I. (1978), Polnoe sobranie sochinenij: Literaturnye proizvedeniya i perepiska [Complete works: Literary works and correspondence]: v 17 t. T. 16-A, Muzyka, Moscow, 384 p. (in Russ.)

15/ Chajkovskij, P.I. (1978) Polnoe sobranie sochinenij: Literaturnye proizvedeniya i perepiska [Complete works: Literary works and correspondence]: v 17 t. T. 16-A, Muzyka, Moscow, 376 p. (in Russ.)

16/ Chajkovskij, P.I. (1979), Polnoe sobranie sochinenij: Literaturnye proizvedeniya i perepiska [Complete works: Literary works and correspondence]: v 17 t. T. 16-B, Muzyka, Moscow. 279 p. (in Russ.)

17/ Chajkovskij, P.I. (1981), Polnoe sobranie sochinenij: Literaturnye proizvedeniya i perepiska [Complete works: Literary works and correspondence]: v 17 t. T. 17, Muzyka, Moscow, 358 p. (in Russ.)

Сведения об авторе

Балацкая Анастасия Леонидовна, аспирант 2-го года обучения, Российская государственная специализированная академия искусств

E-mail: nastya.balatskaya.91@mail.ru

Author information

Anastasia L. Balatskaya, 2nd year postgraduate student, Russian State Specialized Academy of Arts

E-mail: nastya.balatskaya.91@mail.ru